

ЭО, 2008 г., № 2

© Г.И. Каневская

РУССКИЕ ИЗ КИТАЯ В АВСТРАЛИИ: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ (1950–1980-е годы)

В 2007 г. исполнилось 200 лет со дня установления российско-австралийских контактов. Одним из факторов развития отношений между нашими странами являлась русская иммиграция в Австралию, которая началась в конце XIX в., одновременно с массовым выездом из Российской империи в другие страны, и продолжается до настоящего времени.

Можно дать следующую периодизацию истории русской иммиграции на пятом континенте: конец XIX в. – Первая мировая война – дореволюционная трудовая и политическая иммиграция из Российской империи; 1923 г. – Вторая мировая война – белая эмиграция; 1947–1954 гг. – перемещенные лица ("ди пи"); середина 1950-х – вторая половина 1980-х годов – иммиграция из Китая и Европы; с 1990-х годов – иммиграция с территории бывшего Советского Союза.

Русская иммиграция середины 1950-х – второй половины 1980-х годов была самой многочисленной и разнородной по своему социальному, политическому и конфессиональному составу. По данным директора Иммиграционного исследовательского центра в Канберре Ч. Прайса, в 1952–1986 гг. в Австралию въехала 21 тыс. русских и белорусов. Как и в предшествующий период, русская иммиграция состояла из двух потоков: из Европы и из Китая (*Price* 1992: 74).

Из стран Южной и Восточной Европы жившие там русские уезжали, спасаясь от послевоенной разрухи или не желая оставаться в государствах просоветской ориентации. Всего в 1952–1986 гг. из Европы в Австралию въехало около 6 тыс. русских и белорусов. Они прибыли главным образом в 1950-е – начале 1960-х годов. В последующие годы некоторые иммигранты приехали из Советского Союза, преимущественно из числа тех, кто в 1945 г. был арестован в Маньчжурии или отправился на целину в 1954 г., а позднее родственники выписали их в Австралию.

В 1970-е годы на пятый континент прибыло около 2 тыс. человек, в основном советские евреи, так как после визита Р. Никсона в Москву в 1972 г., в ходе которого был поднят вопрос о правах человека, в СССР евреям стали выдавать визы на выезд в Израиль. Но на своей исторической родине одни долго не задержались, другие сразу через Вену и Рим приехали в Австралию (*Christa* 1988: 756–757). Евреи поселились компактно в определенных районах Сиднея и Мельбурна и пополнили ряды творческой интеллигенции Австралии. Поначалу многие из них на основе знания русского языка и культуры старались примкнуть к русской диаспоре, но она их не приняла. Тогда небольшая часть евреев из СССР вошла в еврейскую общину Австралии, а большинство создали свои русскоязычные объединения, газеты, клубы.

С 1952 по 1986 г. на пятый континент въехало около 15 тыс. человек из Китая, преимущественно русских. Они составили основную массу очередной волны русской им-

Галина Ивановна Каневская – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории и философии Дальневосточного государственного университета; gkanevskaya@mail.primorye.ru

миграции в Австралии, которую можно рассматривать как продолжение белой эмиграции, и определили лицо русской иммиграции периода середины 1950-х – второй половины 1980-х годов.

В начале – середине 1950-х годов русская иммиграция шла главным образом из Харбина, Тяньцзина и Шанхая, а позднее – из Синьцзяна, Трехречья, Хайлара и других русских колоний в Китае. Пик ее пришелся на 1957–1962 гг., когда ежегодно в Австралию въезжало более 1 тыс. человек (*Price* 1992: 74). Всего с 1957 по 1961 г. прибыло 7 тыс. русских, покинувших коммунистический Китай (*Idem* 1971: 75). Позднее, в 1963–1965 г., динамика въезда снизилась до 400 человек в год, а в 1966–1967 гг. до 50 чел. Правда, в начале 1980-х годов число въезжавших вновь возросло до 500 человек в год, что было связано с завершением программы помощи выезду русских из Китая (*Idem* 1992: 74).

Последний русский из Китая – 77-летний С.И. Костромитинов (род. 1909 г., Харбин – ум. 1999 г., Сидней) приехал в Австралию в 1986 г. В годы культурной революции, проживая в Шанхае, он как иностранец был арестован по обвинению в "советском социал-капиталистическом" реформизме и провел в тюрьме 16 лет. Его жизненная история – один из эпизодов общей судьбы тысяч русских с китайским прошлым (*Ястребова* 2000: 31–33).

В начале 1950-х годов русские из Китая выезжали на пятый континент в индивидуально-семейном порядке, получив вызов от родственников или друзей. Так, А.П. Кокшарова (род. 1918 г., Владивосток), жившая с 1923 г. в Харбине, сообщает в своей биографии, что в 1953 г. ее семья, состоящая из мужа, двух дочерей и матери, смогла уехать в Брисбен благодаря тому, что сестра ее уже жила там и выписала их всех (*Кокшарова* 1997). В это время выезд русских из Китая не носил массового характера.

Позднее на тяжелое положение русских в Поднебесной обратили внимание международные организации и русская эмигрантская общественность из других стран, которые стали изыскивать возможности для их вывоза. Одной из первых эту заботу взяла на себя Федерация русских благотворительных организаций США (ФРБО), созданная в Сан-Франциско в 1950 г. Она была официально признана правительством США и получила право на долгосрочные займы для финансирования транспортных расходов беженцев. ФРБО работала в тесном контакте с Национальным советом христианских церквей США, что позволило создать систему денежных переводов от русских в Калифорнии родственникам в Китае. В 1953 г. было зарегистрировано свыше 2 тыс. человек, которые хлопотали о вывозе родственников из Китая (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 44. Д. 223. Л. 1.2.98). В том же году в Сан-Франциско был создан Церковный фонд помощи русским из Китая. К 1963 г. в него поступило свыше 4 тыс. долл. (Там же. Оп. 20. Д. 1.2.110. Л. 234). В рамках программ ФРБО в 1945–1957 гг. из Китая в Калифорнию прибыли 2,5–3 тыс. человек (*Батожок* 1996: 10). Движение помощи выезду русских из Китая развернулось и в Австралии.

В 1954 г. представитель Всемирного совета церквей (ВСЦ) доктор Штумпф приехал в Австралию для обсуждения с правительством страны и русской общественностью вопроса о приеме русских из Китая и встретил здесь понимание и поддержку. Австралийские власти согласились принять русских беженцев при условии оплаты их проезда. Обязательство об отработке в течение двух лет, которое брали на себя "ди пи", на русских из Китая не распространялось. Обязанность оказания помощи беженцам по программе ВСЦ взяла на себя Австралийский совет церквей (АСЦ) – отдел ВСЦ. АСЦ оплачивал иммигрантам проезд от Гонконга до Австралии, но они должны были после прибытия в страну возратить долг в рассрочку. Таким образом, АСЦ, а особенно его отдел по переселению, возглавляемый преподобным Давидом Дедманом, сыграли большую роль в судьбе русских из Китая (*Protopopov* 1999: 189, 192).

Особой заслугой АСЦ русские австралийцы считают то, что он, добившись у ВСЦ определенной суммы денег на строительство домов для престарелых, способствовал

принятию австралийскими властями решения о въезде в страну пожилых людей, больных и одиноких женщин с детьми, т. е. тех категорий иммигрантов, въезд которых до этого был нежелателен. Между тем именно эта категория русских беженцев являлась весьма многочисленной из-за того, что тысячи мужчин в Китае были репрессированы. Только в Гонконге находилось 100 таких семей. Помимо всего прочего АСЦ принял решение выдавать на содержание престарелых по 2 фунта в неделю на человека, что в то время обеспечивало нормальный прожиточный минимум, и выплачивал эту сумму до получения пенсии, на которую иммигрант мог рассчитывать только через 5 лет проживания в стране (*Ястребова* 1997: 26–27).

1957 г. был объявлен ООН годом беженцев. Организация обратилась ко многим странам мира с просьбой разрешить въезд беженцам с физическими недостатками, благодаря чему в Австралию смогли въехать люди, относящиеся к этой категории. Одним из них был А.С. Момот (род. 1936 г., ст. Барим, КВЖД), слепой с детства, неоднократно до этого безуспешно пытавшийся выехать в Австралию. Спонсором его стала Организация помощи слепым в штате Виктория, и в июле 1961 г. он приехал в Мельбурн, где его поместили в дом для слепых (*Косицин* 1997: 33).

АСЦ тесно взаимодействовал с русскими австралийцами, оказавшими активную поддержку соотечественникам из Китая. Акцию помощи среди них организовала Австралийско-Новозеландская епархия Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), сама еще не столь состоятельная и окрепшая, во главе с правящим архиепископом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским Саввой (род. 1892 г., г. Ефремов Тульской губ. – ум. 1976 г., Сидней).

Владыка действовал в нескольких направлениях, стараясь привлечь внимание властей и общественности к положению русских в Китае. В августе 1955 г. он установил контакт с Министерством иммиграции Австралии, обсудив вопрос о совместной работе правительства и РПЦЗ по организации иммиграции в Австралию русских из Китая. В сентябре того же года архиепископ Савва послал письмо главе РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) с просьбой о том, чтобы Архиерейский Собор обратился к русским общественным организациям, к президенту Эйзенхауэру, к американским парламентариям и в ООН с целью побудить Китайское правительство выпустить русских людей из Китая (*Protopopov* 1999: 190–191).

В июне 1956 г. был создан Епархиальный беженский комитет, который возглавил сам владыка. В августе Министерство иммиграции официально признало комитет и утвердило его право на выдачу дополнительных гарантий. Таким образом по словам архиепископа Саввы, "создалась деловая кооперация между Министерством иммиграции и Русской православной Церковью по переселению русских беженцев из Китая... Министры Иммиграции, почтенный г-н Х. Холг и почтенный Атолл Таунлей, всегда широко шли навстречу нашей Церкви в вопросах переселения русских белых из Китая в Австралию" (*Архиепископ Савва* 1963: 768). В частности, австралийские власти, движимые гуманными соображениями, облегчили и ускорили выдачу въездных виз всем желающим, невзирая на возраст (Там же: 577).

Отделения Епархиального беженского комитета были открыты в Мельбурне, Брисбене, Аделаиде и Перте, куда прибывали самолеты и пароходы из Китая. Комитет взял на себя заботу об обеспечении русских в Китае необходимыми для выезда документами, занимался вопросами урегулирования формальностей для получения виз, организовывал кампании по сбору денег на содержание, перевозку и займы беженцам, оказывал содействие в нахождении квартирных гарантий, предоставлял нуждающимся жилье и питание и помогал подыскивать работу (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 20. Д. 1.2.29. Л. 95).

Забота о вновь прибывших стала одной из главных задач Русских благотворительных обществ (РБО), в частности созданных в Мельбурне (1955 г.) и Сиднее (1957 г.). По инициативе последних в этих городах появились Русские старческие дома (в Мель-

бурне в 1960 г. и в Сиднее в 1959 г.). Первыми насельниками их стали русские, приехавшие из Китая. Позднее Русские благотворительные общества (1964 г.) и Дом для престарелых (1969 г.) были основаны и в Брисбене (*Kamensky 1993, Koreneff 1988*).

По ходатайству Епархиального беженского комитета ООН через ВСЦ выделила 7 тыс. австралийских фунтов для организации ухода за престарелыми, иммигрировавшими из Китая. Внесло свою лепту – 14 тыс. фунтов – и австралийское правительство. Значительную сумму на постройку дома престарелых в Хиллсвилле выделил АСЦ. Этот дом был передан в собственность РБО в Мельбурне (*Protopopov 1999: 192–193*). Поступали пожертвования и от частных лиц. С июня 1957 г. по 31 марта 1959 г. комитет собрал 4223 австралийских фунта, которые были израсходованы на сооружение транзитных бараков в монастыре во имя Всех святых под Сиднеем (1617 фунтов), на содержание, перевозку и займы беженцам (664 фунта), на содержание канцелярии, почтовые расходы, развозы и др. (918 фунтов). К марту 1959 г. Епархиальный комитет получил 1722 прошения на 3981 человека и от австралийского правительства 872 разрешения на 2284 человека. Сюда не входили лица, выписываемые родственниками и знакомыми, а потому не подлежащие учету (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 20. Д. 1.2.29. Л. 95).

В Китае еще свыше 3 тыс. человек ждали разрешения на выезд, и архиепископ Савва в 1959 г. вновь выступил с "Обращением ко всем добрым людям", которое было опубликовано не только в Австралии, но и в США в газете "Русская жизнь": "Я обращаюсь ко всем добрым людям, независимо от их национальности и вероисповедания, ибо при оказании помощи к выезду из Китая Комитет не взирает на религию, национальность или происхождение" (Там же).

РПЦЗ в США также стремилась оказать всемерную моральную и материальную поддержку Епархиальному беженскому комитету по расселению русских из Китая в Австралии. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский и Западно-Американский выступил 24 августа 1961 г. в "Русской жизни" с обращением к пастве, призывая "открыть при газете сбор и направлять его в Сидней Архиепископу Савве" (Там же. Д. 1.2.107. Л. 232). В марте 1963 г. после закрытия Церковного фонда помощи русским из Китая в США вся его денежная наличность в размере 1150 долл. была переведена в Австралию (Там же. Д. 1.2.110. Л. 234).

Помимо работы официальных представителей Епархиального комитета многие русские по всей Австралии частным образом занимались выпиской соотечественников из Китая: родственников, знакомых, а чаще всего и совершенно чужих людей, выступая в роли их спонсоров. А.И. Кудрин, владелец обувного магазина в Сиднее, выписал 175 человек. Активно помогал выписывать людей из Харбина и другой русский предприниматель – В.И. Пулковник. Жена его летала в Канберру, хлопотала о визах, встречала пароходы, временно размещала прибывших в своем доме, а глава семьи устраивал их на работу. Нескольким десяткам русских были даны гарантии, необходимые для получения виз в Австралию, от священника Ростислава Гана и т.д. (*Андерсен 1996: 39–40, Косицин 1995: 32*).

Даже в далеком штате Тасмания немногочисленные там русские всячески стремились содействовать беженцам из Китая. Сочувственно относились к ним и многие австралийцы. Н. Шуднат вспоминала: «Люди жертвовали своим временем, не жалея газелина, ездили в отдаленные районы в поисках галантеров (спонсоров. – Г.К.) "с домами и с жалованьем", готовых рискнуть и тем и другим. Приезжающих встречали на аэродроме или вокзале, и опять же транспорт предоставляли волонтеры... Волонтер – старик-австралиец писал, телефонировал, навещал секретарей министерств и вбивал в наше сознание, сформированное "по ту сторону железного занавеса", что "министры для нас", а не наоборот» (*Шуднат 1997: 34*).

Таким образом, не только внимание и помощь со стороны международных организаций (ООН, ВСЦ) и австралийского правительства, но и широкая поддержка русской

О расселении русских в Австралии (1981 г.)

Штаты и их столицы	Численность (тыс.)	% к общей численности
Новый Южный Уэльс		42,6
Сидней	8,5	37,3
Виктория		36,1
Мельбурн	7,5	32,9
Квинсленд		8,7
Брисбен	1,4	6,2
Южная Австралия		7
Аделаида	1,4	6,2
Западная Австралия		3,7
Перт	0,6	2,7
Столичная территория		1,1
Тасмания		0,7
Северная территория		0,1
Общий итог:		100
Численность:	19,4	

общественности, ведомой РПЦЗ в лице Епархиального беженского комитета, дала возможность тысячам русских из Китая приехать в Австралию.

Русские, прибывшие в Австралию в 1950–1980-е годы, расселились по всему континенту, но общая тенденция была та же, что и в первые послевоенные годы: большая часть из них осела в крупных городах и юго-восточных штатах, о чем свидетельствуют следующие данные¹.

Из Китая приехали русские, принадлежащие к различным конфессиям. Старообрядцы из Трехречья осели в штатах Новый Южный Уэльс и Виктория. Но наиболее компактная община их образовалась в городке Ярвун (в 30 милях от Гладстона на севере штата Квинсленд), где около 50 семей приобрели фермы и занялись выращиванием папайи. В 1969 г. здесь проживало около 250 человек. Они сохраняли свои традиции и образ жизни, мало общаясь с местным населением. В 35-градусную жару можно было встретить русских мужиков в вышитых рубашках с поясом, широких штанах и сапогах. Женщины все ходили босиком, в сарафанах и платочках. Русские старообрядцы с их старинными песнями и обычаями стали выдающейся достопримечательностью Ярвуна (*Christa* 1988: 756; *Frolova* 1998: 149–150; *Мельникова* 2004: 133).

Русские адвентисты седьмого дня обосновались в Сиднее, куда первые семьи их прибыли из Китая еще в 1949 г. В том же году ими была основана церковь, пастором которой стал Павел Родионов, до этого бывший миссионером в Монголии и пастором церкви в Китае. Собственное церковное здание было построено адвентистами в 1966 г. (*Tatarinoff* 1999: 38–39).

Пятидесятники из Синьцзяна поселились в Аделаиде и южных штатах. Они обращали на себя внимание местных жителей своим скромным поведением: не курили, не пили, не слушали светскую музыку, не смотрели телевизор и не ходили в кино. Многие позднее уехали в Канаду, климат которой казался им более подходящим. К середине 1960-х годов из Америки в городок Банбури (юго-запад штата Западная Австралия) прибыли молокане (около 25 семей), большинство с капиталом. Они приобрели фруктовые и животноводческие фермы, стали предпринимателями. Позднее часть молокан переехала в Аделаиду и другие места (*Ястребова* 2002; *Борисовы* 1996: 13).

С приездом большого числа иммигрантов из Китая внутри русской диаспоры начали формироваться отдельные группы по названиям мест выхода: харбинцы, шанхайцы, синьцзянцы, трехреченцы и тяньцзинцы – пекинцы. Этимология названий этих

групп абсолютно очевидна – все они происходили от названий основных центров русской эмиграции в Китае. Нередко они создавали свои институты различного рода: церкви, клубы, общественные и благотворительные организации.

Прибывшие из Трехречья, Синьцзяна и других сельских местностей предпочли поселиться в южных штатах. Местами их компактного проживания были Джилонг и Данденонг. Так, русский приход в Джилонге в 1952 г. насчитывал около 50 человек и состоял в большинстве своем из "ди пи", но в 1963 г. он вырос до 350 человек за счет прибывших из Трехречья (Суворов 2006: 15).

Синьцзянцы и трехреченцы по своему социальному положению и образованию (среди пожилых было много неграмотных) не могли соперничать с выходцами из Харбина и Шанхая. Е.И. Софронова еще в Гонконге обратила внимание на огромный багаж харбинцев, сравнивая его с небольшими котомками, с которыми прибыла ее семья из Синьцзяна. "А вообще жившие в гостинице харбинцы на нас смотрели свысока, и понятно почему..." – писала о своей первой встрече с ними Е.И. Софронова (Софронова 1999: 216).

Бывшим крестьянам, к которым харбинцы и шанхайцы относились с пренебрежением, в Австралии пришлось сменить род своих занятий. Этот факт подтверждает вывод теоретиков истории диаспоры о том, что иногда, особенно в случае трудовых (прежде всего аграрных) миграций, возникают трудности хозяйственной адаптации к новым условиям и природной среде, требующей радикальной смены систем жизнеобеспечения (Тишков 2000: 216). Вскоре трехреченцы стали монополистами в строительстве домов из *джиброка*, создали свои предприятия и превзошли других русских по уровню жизни, стали посылать своих детей в университеты (Ястребова 2003: 261–262).

Выходцы из Шанхая (в основном творческая и техническая интеллигенция) приехали из интернационального города и хорошо знали английский язык, на котором обучались в школе и вузах, что облегчило им вхождение в австралийское общество. Кроме того, шанхайцы были более состоятельными, имея больше возможностей вывезти ценности из Китая. Многие из них могли начать свою жизнь в Австралии, уже обладая определенными средствами к существованию. «Они быстрее "обавстраилились", как у нас говорили», – свидетельствовала Л.А. Ястребова (Она же 2002).

К шанхайцам оказались близки выходцы из Харбина, хотя в Китае тесных контактов между русскими харбинцами и шанхайцами не наблюдалось, и они часто соперничали друг с другом в культурной сфере. Это соперничество было перенесено и на жизнь в Австралии. Харбинцы являлись наиболее многочисленной группой и считали себя самыми русскими из всех русских. Всего в Австралию приехало около 5 тыс. человек, для которых Харбин стал родиной и которые начали новую жизнь на пятом континенте. Около половины из них обосновались в Сиднее, треть – в Брисбене, оставшиеся – в Мельбурне и других местах (Christa 1992: 103).

Подобно шанхайцам, большинство харбинцев представляли русскую образованную элиту, имели широкие интеллектуальные и культурные интересы, обладали высокой квалификацией, часто говорили на нескольких иностранных языках: китайском, японском, английском. "Харбинцы более сплоченная группа, чем диписты, прежде всего потому, что они приехали из одного города, многие знали друг друга еще по Харбину, а диписты прибыли из разных городов России и до Австралии не были знакомы", – объясняет Л.А. Ястребова причины корпоративности, свойственной харбинцам (Ястребова 2002).

Группа русских тяньцзинцев-пекинцев также представляла выходцев из крупных городов, но она была менее многочисленной, чем названные выше, не такой монолитной и вскоре растворилась среди харбинцев и шанхайцев.

Постепенно с начала 1980-х годов различия между этими группами сглаживались, и лишь отдельные различия и разногласия, закрепившись в сознании людей, проявлялись на бытовом уровне.

В целом русские с китайским прошлым, имея за плечами многолетний опыт жизни в эмиграции и большую поддержку со стороны соотечественников, оказались лучше подготовленными к жизни на новом месте, чем перемещенные лица. Но все же, как и перед "ди пи", перед русскими из Китая в Австралии вставали различные трудности. Бывшая харбинка Н.В. Райан (урожденная Голицина) сделала, например, такое наблюдение по поводу русских из Китая: "Русские, приехавшие в период 1957–1962 гг. в Австралию, в новую для них страну, даже родившиеся в Маньчжурии, те, кто никогда не был в России, на своей настоящей родине, впервые в жизни почувствовали себя иммигрантами" (Райан 2005: 127–128). На пятом континенте они оказались оторванными от всего русского.

"Надо было приспособиться к новой жизни и к языку", – весьма лаконично, но точно выразила суть проблемы, встающей перед всяким иммигрантом, А.П. Кокшарова: "когда вспоминаешь наш приезд в Австралию, то удивляешься, сколько всем пришлось пережить на первых порах" (Кокшарова 1999: 399). Ей вторят и другие. "По приезде в Австралию нам было довольно трудно: новая страна, обычаи и, конечно, язык", – вспоминает А. Ткаченко, приехавший из Харбина в 1959 г. (Ткаченко 1999: 102).

Большинство русских из Китая, устав быть бездомными, надеялись найти в Австралии свою приемную родину и даже видели преимущество в том, что попали именно в эту страну. Они понимали, что иммигранту стать китайцем невозможно. Австралия же – молодая, новая страна, с национально неоднородным населением, где любой может превратиться в австралийца. Но привыкли русские иммигранты к новой родине не сразу.

Отношение к иностранцам со стороны австралийцев было более терпимым, чем в первые послевоенные годы, что отмечали и сами русские из числа перемещенных лиц: "Теперь здесь жизнь для иностранцев стала хорошей, не то, что мы испытали, как-то даже не хочется и трудно вспоминать. Австралийцы нас просто ненавидели" (Софронова 1999: 229). Изменилась и государственная адаптационная стратегия по отношению к иммигрантам. На смену ассимиляции в 1960-е годы пришла политика интеграции, а в 1970-е годы – мультикультурализм, что способствовало созданию более благоприятных условий для вхождения в принимающее общество.

Вместе с тем к русским австралийцы по-прежнему относились настороженно. Не стоит забывать, что 1950-е годы были периодом "холодной войны". Шпионская драма, захватившая Австралию после "дела Петрова"² в 1954 г., была еще свежа в умах австралийцев. Русские из Китая, в отличие от советских "красных", были для австралийцев "белыми русскими", но подозрение в неблагонадежности часто падало и на них. Идеологические различия подчеркивались даже в австралийской школе. Мара Мустафина, привезенная в 1959 г. в Австралию родителями еще ребенком, описывает эту ситуацию следующим образом: «Взрослея в Сиднее в 1960-е гг., русские не могли избежать напоминания о "холодной войне". Я часто попадала в затруднительное положение, когда меня спрашивали, откуда я:

– Из Китая, – отвечала я.

– Это смешно, ты не похожа на китаянку.

– Нет, я русская.

– Ты коммунистка? – был следующий вопрос. Или: "Ты "белая русская" или "красная русская"? Таковы были вопросы большинства детей моего возраста» (Moustafine 2002: 4–5).

Удивляли австралийцев, еще не привыкших ко всему иностранному, и русские обычаи. В документальном фильме "Русская Австралия", шедшем на российском телеви-

дении, харбинцы вспоминали, в какой ужас приводили австралийцев эти "безумные" славяне, которые собирали грибы и ели эту "отраву", да еще жарили ее со сметаной – "испорченным молоком", как считалось в Австралии (*Денисов 2006*). Со временем благодаря иммигрантам, в том числе и русским, пресная и однообразная австралийская кухня обогатилась рецептами всех стран мира.

В свою очередь и для русских с китайским прошлым, большинство из которых, хотя и выросли вне России, но с русским менталитетом, все австралийское воспринималось как иностранное, непривычное, да и об Австралии им известно немногим больше, чем "ди пи", особенно тем из них, кто приехал из сельской местности. Семья старообрядцев Овчинниковых, например, по решению ее главы "собралась ехать в Австралию, ровным счетом ничего не зная об этой стране". "Первое время было очень трудно: все было пугающе незнакомо...", – таково было впечатление Овчинниковых, приехавших в 1962 г. (*Алмазова 2004: 29*).

И в других воспоминаниях первое впечатление об Австралии непременно характеризуется словом "чужая". "Австралия 50-х гг. оказалась для нас совершенно чужой, скучной и отсталой в культурном отношении страной", – пишет Н.А. Мельникова (2004: 211). Ей вторит А.С. Филадельфов, приехавший из Харбина в 1953 г.: "все было чужое – улицы, дома, люди, отсутствие китайцев, и я чувствовал себя совершенно чужим в этой новой для себя стране" (*Филадельфов 1984: 14*).

Удивлял образ жизни австралийцев. "Эта страна предстала перед нами большой деревней: никто ничего не знал и не хотел знать о других странах, кроме Великобритании", – вспоминала Н.В. Райан (*Гутенева 2006*). На Е.И. Софронову тяжелое впечатление произвели безлюдные, пустынные жилые кварталы Сиднея: «мне стало очень грустно и тоскливо, а в моем сознании пронеслось: "мертвый город"... Начиная с описанного мной "мертвого города" и кончая природой, деревьями, камнями и погодой Австралия мне очень не понравилась, даже не смотря на то, что можно было все, что хочешь там купить», – заключает она (*Софронова 1999: 220, 237*).

Многие, приехав в "солнечную Австралию", страдали зимой от холода и на работе, и дома, "и никак не могли привыкнуть к тому, что помещения не отапливаются и австралийцы ходят, надев на себя одежду в несколько слоев, как капуста" (*Ястребова 2000*).

Тем не менее культурный шок и природно-климатическая адаптация, как известно, преодолеваются быстрее, чем социальная. Последняя для русских оказалась связанной с рядом проблем.

Для тех, кто приехал в Австралию с помощью АСЦ, прежде всего нужно было выплачивать свой долг. Е.И. Софронова, семья которой обосновалась в Данденонге, пишет по этому поводу: "Сразу же после приезда Совет Церквей прислал нам счет, включавший расходы за четыре месяца нашего пребывания в Гонконге с медицинским обследованием, плюс стоимость нашей дороги на пароходе и квартиры в Австралии с купленными вещами... Сумма оказалась очень большой...". Она составила 2500 австралийских фунтов. Чтобы понять, насколько эта сумма велика, достаточно сказать, что тогда новый дом среднего размера с тремя спальнями стоил от 3 до 4 тыс. фунтов, и на сумму долга можно было купить семь или восемь городских участков земли для постройки дома. "Такая сумма нас ужаснула, но мы отказались от платежа не могли...", – сообщает Е.И. Софронова (*Софронова 1999: 221*). От выплаты долга освобождали только пожилых людей, остальным предстояло срочно искать работу и вернуть деньги в фонд АСЦ, чтобы тот мог оплатить дорогу другим беженцам из Китая.

Еще одной животрепещущей проблемой для русских иммигрантов был поиск жилья. Увы, в те времена квартирный вопрос портил жизнь многим и в благословенной Австралии. В стране существовал государственный контроль, определявший цены на сдачу домов и квартир, которые были фиксированы очень давно и не пересматрива-

лись. В результате общего роста цен в стране плата за квартиры со временем оказалась настолько низкой, что для домохозяев не имело смысла пускать в свои дома квартирантов, и квартиру найти оказывалось практически невозможно. Разве только у тех владельцев домов, которые рисковали неофициально сдавать квартиры по резонным ценам, в надежде на порядочность квартирантов, которым приходилось выкладывать немалые деньги. Так, семья Л.А. Ястребовой платила за маленький домик 7 фунтов в неделю, в то время как Лидия Александровна получала на руки (за вычетом налога) 9 фунтов и 10 шиллингов, из которых 14 шиллингов уходило на оплату проезда на работу (*Ястребова* 1999: 65, 179, 185).

Из-за трудностей с жильем новоприбывшие стремились как можно скорее скопить необходимую сумму и купить собственный дом. "Дома здесь все покупали обычно через пять лет после приезда. Достаточно было уплатить задаток, а потом выплачивать", – пишет Л.А. Ястребова. Сама Лидия Александровна купила свой первый дом через три года после приезда, накопив на своем счету в банке 1500 фунтов. Для этого ей пришлось работать по 12 с лишним (с 9 до 22) часов семь дней в неделю. Она ретушировала негативы в трех фотосалонах и фотографировала клиентов на дому (*Она же* 2001).

Итак, решение всех проблем, встававших перед русскими после прибытия на пятый континент, упиралось в необходимость срочного поиска работы. Как свидетельствуют воспоминания, не только устроиться по специальности, но даже найти любую работу для многих представляло большую сложность из-за недостаточного знания английского языка.

Иммигранты, разумеется, стремились овладеть языком страны пребывания, однако для этого требовалось время. Даже тем, кто приехал в Австралию, уже имея навыки разговорного английского языка, австралийский английский давался с трудом. Инженер Ю.Г. Слюсаренко, обучавшийся в Харбине в британской школе и в гимназии ХСМЛ, где преподавание велось на английском языке, сумел пройти собеседование при приеме на работу только благодаря тому, что один из интервьюеров был британец: "Я его никогда не забуду. Когда он задавал мне вопросы, то получал немедленные ответы, а австралиец я не всегда мог понять. Так мистер Пиплз повторял его вопрос, и я сразу же отвечал. Инженер был возмущен", – вспоминал Ю.Г. Слюсаренко (2004: 103).

В итоге из-за недостаточного знания английского языка русскими из Китая, как и "ди пи", в Австралии приходилось устраиваться на малоквалифицированную работу. Е.И. Софронова, например, получила краткосрочную сезонную работу – выбирать плохие помидоры с конвейерной линии на фабрике "Хеинз" в ночную смену. И только через два года она стала работать чертежницей в государственном учреждении Мельбурна с жалованьем в 16 фунтов в неделю, "что тогда считалось очень хорошо", положив начало своей профессиональной карьере (*Софронова* 1999: 221–222, 225–226). На фабрике за неквалифицированный труд в то время платили 12 фунтов в неделю (*Ястребова* 1999: 179).

Тем, кто в совершенстве владел английским языком, устроиться на работу было проще. О.С. Коренева, окончившая колледж ХСМЛ с отличием и получившая приз за быстрое печатание на английской пишущей машинке, приехав в Сидней 1 января 1962 г., через пять дней уже работала стенографисткой-машинисткой в конторе по продаже телевизоров (*Коренева* 2006: 27–31).

Социальная адаптация во многом зависела от профессии. Особенно сложно было добиться признания русским медикам из Китая, которым приходилось переучиваться. Определенную роль играло и то, что китайская медицина на пятом континенте игнорировалась. Только со временем отношение к ней изменилось, в чем определенную роль сыграли и русские врачи. Это можно проследить на судьбе супругов Алексея и Надежды Сухининых. Они окончили Синьцзянский медицинский институт в Урумчи

и, приехав в Австралию в 1980 г., имели за плечами почти 20-летний опыт работы по специальности. Но для подтверждения квалификации А. Сухину пришлось защитить диссертацию в Шри-Ланке в Интернациональном институте альтернативной медицины и привезти соответствующие документы, признанные в Австралии, после чего он стал членом различных ассоциаций альтернативной медицины и основал собственную клинику, где с женой, занимавшей должность секретаря, проработал 18 лет (Ястребова 2001: 26–27).

Как свидетельствует Л.А. Ястребова, "инженеры устраивались легко. ХПИ (Харбинский политехнический институт. – Г.К.) дал им хорошие знания. И зарабатывали они вполне прилично" (Там же). Харбинские инженеры имели преимущество перед обладателями других специальностей, так как дипломы ХПИ в Австралии были признаны. Правда, еще в Китае приходилось посылать заверенную копию диплома в английское посольство в Пекине, откуда возвращался английский перевод с консульскими марками Великобритании с подтверждением, что указанная в дипломе на китайском языке фамилия владельца написана действительно правильно (Слюсаренко 2004: 103).

В Австралии русские инженеры первым делом подавали свои документы (кроме диплома это аттестат, рекомендации по работе, которые были переведены и заверены английским посольством в Пекине) в Институт инженеров Австралии (Institution of Engineers of Australia), где получали подтверждение о признании своего звания и заполняли анкету о вступлении в организацию. Членство в институте давало официальное признание диплома и открывало путь на инженерную должность в самых крупных предприятиях. Коллеги, приехавшие раньше, предупреждали, что лучше сразу постараться устроиться по специальности, чтобы не портить себе резюме и не создавать сомнения в своей компетентности (Глувчинский 1989: 63). Советы коллег и их практическая помощь при устройстве на работу во многом облегчали русским инженерам из Китая социальную адаптацию.

Факты свидетельствуют, что инженерная карьера у большинства складывалась весьма успешно. Своеобразный рекорд установил П.В. Голиков, который приехал в Австралию 1 октября 1957 г., а 2 октября уже был назначен на должность инженера в Южную электрическую компанию (The Southern Electric Authority) штата Квинсленд, где проработал около 20 лет до пенсии. Даже когда ему исполнилось 79 лет, он получил предложение вернуться на предприятие консультантом (Голиков 1989: 55). Некоторые русские инженеры сразу зарекомендовали себя незаменимыми специалистами, как, например А.А. Глувчинский, поступивший на сталелитейный завод в Воллонгоне, за которого администрация завода выплатила весь долг по переезду его семьи из Китая и предложила построить дом (Глувчинский 1989: 63–64).

Говоря о профессиональной деятельности русских инженеров в Австралии, следует отметить, что все выпускники ХПИ, за небольшим исключением, работали по специальности. Так, по данным на 1975 г., в различных местах Австралии проживало около 190 харбинских политехников. Из них 60% трудились на государственных и смешанных предприятиях, 25 – в частных компаниях, 5 – на преподавательской работе или входили в технический персонал вузов, 3% имели собственное дело, 2% давали консультации, 5% ушли на пенсию (Vinocuroff 1996: 17–18).

Среди выпускников ХПИ, оказавшихся в Австралии, было более 20 женщин: около 15 – в Сиднее, семь – в Брисбене и по одной – в Мельбурне и в Аделаиде. Им пришлось пройти более сложный путь к признанию, чем их коллегам-мужчинам. И не только потому, что на них лежала забота о малолетних детях и престарелых родителях. В 1950-е годы в Австралии на женщину-инженера смотрели с удивлением. В газетных объявлениях о свободных вакансиях инженеров или даже чертежниц женщины никогда не упоминались. Правда, вступление в Институт инженеров Австралии было доступно и для них, и женщины этим воспользовались. Но обычно, когда они пытались

устроиться на работу по специальности, то получали отказ по причине отсутствия женского персонала в технических учреждениях или необходимых удобств в них, а если их и соглашались принять, то на должности чертежников или техников (*Черноус 1992: 79–80*).

Только в конце 1970-х – начале 1980-х годов в связи с приездом женщин-инженеров из других стран, в частности из Англии, женщины на пятом континенте получили одинаковые с мужчинами возможности для устройства на работу. Со временем выпускницы ХПИ Н.Н. Гусева, К.А. Терешенок, Т.С. Фаринская, И.В. Черноус и другие добились значительных успехов на производстве, признания и уважения со стороны коллег.

Достижения русских инженеров – выпускников ХПИ – многообразны. Это и вклад в развитие ведущих отраслей австралийского производства (энергетической, металлургической, строительной, химической, сахарной, шерстяной и др.), и занятие ответственных постов в различных учреждениях и на частных предприятиях (В. Винокуров, В. Луценко, Г. Слюсаренко, С. Фаринский, Л. Черноус, Е. Якубовский и др.), и изобретения, и получение патентов, и научные открытия. Многие основали собственные предприятия (Г. Гурьев, А. Логунов, В. Максимов, Д. Муценко, Д. Плешивцев, М. Ястребов и др.). При участии русских специалистов построены крупные промышленные объекты: электростанция "Манморан", плотина огромного водохранилища Варагамба, снабжающего водой почти весь многомиллионный Сидней, колоссальный ангар Ричмондского аэропорта в Сиднее, Сиднейское метро, самая высокая (180 м) в Австралии плотина Датмас (Dartmouth), крупнейшая углеобогатительная фабрика в Торони. Были проложены тысячи километров линий электропередач, дорог и трубопроводов. В гражданском строительстве можно отметить такие сооружения, как методистская церковь в Намбур (Nambour Methodist Church) в штате Квинсленд, the Duplex на Золотом Берегу (Gold Coast), Baulkham Hills Private Hospital, Centennial Plaza и др. (*Vinocuroff 1996*).

По данным Ч. Прайса, в большинстве своем русские иммигранты оказались более высокообразованными, чем австралийцы. Перепись 1981 г. показала, что 16% мужчин старше 15 лет имеют дипломы или степень, а 27,5% – профессиональные свидетельства (сертификаты), по сравнению с 9,6 и 24,7% среди австралийцев. У женщин, рожденных в России, степень или диплом были у 11,35%, в сравнении с 8% у австралиек. Вместе с тем это превосходство в уровне образования было менее заметным в сфере занятости. Около 17,6% русских мужчин входило в группу специалистов и техников, в сравнении с 12,4% австралийцев, однако их было гораздо меньше на административной и другой высокооплачиваемой работе. Они концентрировались в торговле, на производстве и в лабораториях, где составляли 52,2% против 38,4% австралийцев (*Price 1992: 75–76*).

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что для занятия высших должностей иммигрантам требовалось время, чтобы получить официальное признание своей квалификации и накопить определенный опыт работы в Австралии. Следует иметь в виду и то, что при трудоустройстве русских наблюдалась определенная дискриминация. Существовала в Австралии дискриминация и в оплате труда женщин. Л.А. Ястребова, например, за работу ретушера в портретной фотостудии получала 10 фунтов и 10 шиллингов в неделю, причем ей поручали самые трудные и ответственные негативы, а фотографу-мужчине в той же студии платили 15 фунтов, т. е. в 1,5 раза больше (*Ястребова 1999: 180*).

Из Китая приехало немало энергичных людей, способствовавших развитию предпринимательской деятельности в Австралии и вложивших в избранное ими дело свои знания и опыт. В основном русские, скопив необходимый капитал, открывали малые предприятия, которые всегда играли исключительно важную роль в развитии австралийской экономики. Особенно активными русские оказались в сфере обслуживания:

они стали владельцами ресторанов, кафе, гастрономов, клубов, магазинов, бюро путешествий и бюро по найму служащих, частных врачебных клиник, чертежных и строительных контор, парикмахерских, фотосалонов, музыкальных школ и различных курсов и др.

Ни о ком из русских предпринимателей австралийские газеты не писали так много, как о В.И. Пулковнике (род. 1910 г., Харбин – ум. 1988 г., Сидней), которого журналисты называли "шоколадным королем". Владислав Иванович овладел кондитерским мастерством в Харбине. В Австралии в 1960-х годы он выпускал пять сортов конфет по харбинским рецептам его отца. Особой популярностью в "белой Австралии" пользовались конфеты "Поцелуй негра". Среди покупателей, приехавших в его магазин, были первые леди страны: Фрейзер, Уитлем, Даг Антони. Слава о нем долетала до других городов Австралии и даже до Англии (Андерсен 1996: 39–40).

Особой популярностью русские предприятия пользовались в русских районах Сиднея Стратфилде и Бэрвуде: фотостудия "Лидия" Л.А. Ястребовой, работавшая в течение 37 лет (1960–1997 гг.), открытая в 1967 г. кондитерская Фаддея и Евлампии Белоговых, приехавших из Китая в 1958 г., магазин подержанной и новой мебели Берковича (1961–1990), ювелирный и подарочный магазин супругов Б.Я. и Г.Р. Ициксон, где можно было купить венчалные иконы, магнитные иконки для автомобиля, лампы, православные кресты, кольца из русского золота. Охотно посещались русскими дамская и мужская парикмахерские харбинцев Л.П. Наумовой и Н.Л. Покровского, так как хозяйева брали умеренную плату, зная, что у недавно приехавших каждый шиллинг на счету. Успешно работает и сегодня бюро путешествий, основанное в 1972 г. Ю.А. Гавриловым, которое, специализируясь на организации путешествий в Россию и другие страны СНГ, приобрело широкую известность и большую клиентуру и является членом Австралийско-Российского делового совета.

Нередко малый бизнес, основанный русскими, развивался в крупные предприятия. А.А. Логунов, приехав в Австралию в 1959 г., сразу задумался о создании инженерного предприятия, подобного тому, которое было у него в Харбине. Но на создание, развитие и расширение завода по выпуску отдельных частей и узлов оборудования для различных производств, которому хозяин дал название "ЛОГА", потребовалось 20 с лишним лет упорного труда (Логунов 1984: 15–18).

В 1981 г. компанию "КЕЛСО" по производству и продаже строительных материалов зарегистрировал Михаил Моисеевич Овчинников. В 1997 и в 1998 гг. его компания была признана одной из 500 лучших частных компаний НЮУ, в 2003 г. получила первый приз в категории большого этнического бизнеса Австралии. При присуждении премии учитывались творческий вклад, прогрессивное развитие бизнеса, а также количество рабочих мест, занятых представителями разных национальностей. Принимался во внимание и тот факт, что иммигрантам в процессе развития и утверждения своей предпринимательской деятельности приходилось преодолевать большие, по сравнению с коренными австралийцами, трудности как языкового, так и культурного характера, испытывать серьезную конкуренцию со стороны множества других сильных компаний, лидирующих многие десятки лет в экономике Австралии (Алмазова 2004: 28–30).

Итак, свобода выбора, возможность проявить инициативу в соответствии со своими обычаями и культурой, предоставленные русским иммигрантам в новой стране, способствовали развитию их деловой инициативы, что, в свою очередь, обогащало австралийский опыт, вносило разнообразие в жизнь Австралии. В то же время русские предприниматели всегда помогали своим землякам и содействовали развитию русской культуры на пятом континенте.

В целом русские с китайским прошлым адаптировались более легко и успешно, чем иммигранты предшествующих волн. Они вполне благополучно устроили свою жизнь и были довольны судьбой. Так, на совместном юбилее по поводу 60-летия пять друзей –

П. Новицкий, С. Поляков, И. Савицкий, К. Сулимовский и П. Чернышев, – родившиеся в Харбине и приехавшие в Австралию в 1957–1961 гг., "с благодарностью вспоминали своих родителей за их мудрое решение ехать не на целину в Сов. Союз, а в Австралию, которая дала им возможность реализовать себя, самостоятельно выбрать путь по душе и по способностям, добиться высокого профессионализма и благополучия" (Лебедева, Шеломова 1998: 44).

Вместе с тем некоторые русские испытывали другие чувства. О них Л.А. Ястребова писала: "Представьте себе, что многие, приехавшие из Китая, пролонгировали советские паспорта. Если они были уж такими преданными советскими, то почему не ехали на целину?... Но они предпочли жить в Австралии, иметь два паспорта, ходить в Советский клуб, праздновать советские праздники" (Ястребова 2001).

Впрочем, времена уже были другие, и, в отличие от "ди пи", те из русских, кому Австралия была не по душе, могли вернуться на родину. В начале 1960-х годов большая группа русских уехала в Советский Союз. Перед возвратившимися в СССР реэмигрантами встала проблема второй адаптации к новым условиям. Для одних этот процесс прошел успешно, другие вернулись назад, и им потребовалось начинать жизнь в Австралии сначала.

Таким образом, анализ процесса адаптации русских в Австралии подтверждает одну из характеристик феномена диаспоры, которую В.А. Тишков назвал фактором доминирующего общества или среды обитания диаспоры (Тишков 2000: 215). Даже успешная интеграция и благоприятная, как в Австралии, общественно-политическая среда не избавляли русских иммигрантов от чувства отчужденности, которое связано было прежде всего с социальным фактором, дискриминацией и принижением статусом отдельных групп.

В рассматриваемый период адаптация для русских иммигрантов в Австралии оказалась связанной с рядом трудностей, вызванных необходимостью овладения языком, выплатой долга за переезд, поисками работы и жилья и другими проблемами. Социальная адаптация во многом зависела и от профессии. В наиболее выгодном положении в этом смысле находились инженеры – выпускники ХПИ.

Примечания

¹ Данные приведены на основе подсчетов Ч. Прайса, которые включают русских, родившихся как в России, так и в Китае, но не учитывают родившихся в Австралии (Price 1992: 68-69, 75).

² В апреле 1954 г. третий секретарь посольства СССР в Австралии В. Петров попросил у австралийских властей политического убежища, передав им документы, подтверждающие наличие советской агентуры в Австралии. "Дело Петрова" получило широкую огласку во всем мире. Дипломатические отношения между Австралией и Советским Союзом были прерваны и восстановлены только в 1959 г.

Источники и литература

- Алмазова 2004 – Алмазова Л. Русский бизнес – лучший в Австралии // Австралиада. Русская летопись (Сидней). 2004. № 38. С. 28–31.
- Андерсен 1996 – Андерсен Л. Король шоколадных конфет // Австралиада. 1996. № 7. С. 39–40.
- Архиепископ Савва 1957 – Архиепископ Савва. Обращение ко всем добрым людям. 17 мая 1957 г. // Protoporov M. Archbishop Sava Raevsky. 1892–1976: Monograph series under the general editorship of Nina Christesen. Russians in Australia (далее – Monograph series under the general editorship...). University of Melbourne, 1999. № 25. P. 577–579.
- Архиепископ Савва 1963 – Архиепископ Савва. Слово при освящении и открытии дома для престарелых Братства Св. Креста в Кентлине. 4 августа 1963 г. // Protoporov M. Op.cit. P. 766–771.

- Борисовы* 1996 – *Борисовы Б.И. и Г.А.* О том, как нам с супругой пришлось стать преподавателями русского языка // Австралиада. 1996. № 6. С. 13.
- Батожок* 1996 – *Батожок И.А.* Русская эмиграция в Калифорнию: специфика миграционного процесса (1920–1950-е гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10143. Коллекция микрофильмов Музея Русской культуры в Сан-Франциско.
- Глувчинский* 1989 – *Глувчинский А.А.* Моя работа в Австралии. 1958–83 г. // Политехник (Сидней). 1989. № 12. С. 62–64.
- Голиков* 1989 – *Голиков П.В.* Краткая техническая биография инж. П.В. Голикова. Моя работа в Австралии // Политехник. 1989. № 12. С. 55–56.
- Гутенева* 2006 – *Гутенева А.* Русский язык необходим! // Единение. Сидней, 2006. 8 сент. С. 1–2.
- Денисов* 2006 – *Денисов А.* Русская Австралия: Документальный телефильм // Телевизионный канал "Россия". 29 сент. 2006 г.
- Кокишарова* 1997 – *А.П. Кокишарова – Г.И. Каневской* от 14 августа и 9 ноября 1997 г. // Личный архив Г.И. Каневской.
- Кокишарова* 1999 – *Кокишарова А.П.* Русский Брисбен // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Матер. первой междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 24–26 сентября 1999 г. Кн. 2. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 399–404.
- Коренева* 2006 – *Коренева О.* Ольга Стефановна Коренева о себе // Австралиада. Русская летопись. Сидней, 2006. № 49. С. 27–31.
- Косицин* 1995 – *Косицин Г.* "Александр Иванович" // Австралиада. 1995. № 3. С. 29–32.
- Косицин* 1997 – *Косицин Г.* Достойный почести и славы // Австралиада. 1997. № 13. С. 30–35.
- Лебедева, Шеломова* 1998 – *Лебедева З., Шеломова Л.* Юбилей в русском клубе // Австралиада. 1998. № 17. С. 44–45.
- Логунов* 1984 – *Логунов А.А.* Механический завод "ЛОГА". (Воспоминание о создании завода) // Политехник. 1984. № 11. С. 15–18.
- Мельникова* 2004 – *Мельникова Н.А.* (ред.). История русских в Австралии. Т. I. Сидней, 2004.
- Райан* 2005 – *Райан Н.* Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005.
- Слюсаренко* 2004 – *Слюсаренко Ю.Г.* Моя жизнь в Австралии // Политехник. 2004. № 16. С. 103–104.
- Софронова* 1999 – *Софронова Е.И.* Где ты моя Родина? М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1999.
- Суворов* 2005 – *Суворов И.* Храм Пресвятой Богородицы "Всех Скорбящих Радосте" в Джидилонге // Австралиада. 2005. № 45. С. 11–14; 2006. № 46. С. 13–16.
- Тишков* 2000 – *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. 2000. № 3. С. 207–236.
- Ткаченко* 1999 – *Ткаченко А.* Школьные годы // Харбин. Класс 58 года и соученики. 1999. С. 102–103.
- Филадельфов* 1984 – *Филадельфов А.С.* Первые шаги в Австралии // Политехник. Сидней, 1984. № 11. С. 14–15.
- Черноус* 1992 – *Черноус И.В.* Женщины – инженеры, окончившие ХПИ/СМУ, и их работа в Австралии // Политехник. 1992. № 13. С. 79–80.
- Шуднат* 1997 – *Шуднат Н.* Где нас только нет! // Австралиада. 1997. № 11. С. 31–34.
- Ястребова* 1997 – *Ястребова Л.* Елена Чупрова // Австралиада. 1997. № 14. С. 25–27.
- Ястребова* 1999 – *Ястребова Л.А.* Это началось в Дальнем: Повести, рассказы, воспоминания. Сидней: Изд-во "Австралиада", 1999.
- Ястребова* 2000 – *Ястребова Л.* Последний русский эмигрант // Австралиада. 2000. № 23. С. 31–33.
- Ястребова* 2001 – *Ястребова Л.А.* Алексей Сухинин // Австралиада. 2001. № 28. С. 26–27.
- Ястребова* 2003 – *Ястребова Л.А.* Письмо из Австралии // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества: Матер. третьей междунар. науч.-практ. конф. Владивосток: Информационно-рекламное агентство "Комсомолка ДВ", 2003. С. 261–262.

- Ястребова* 2000–2002 – Л.А. Ястребова – Каневской Г.И., от 3 августа 2000 г., 3 декабря 2001 г. и 17 марта 2002 г. // Личный архив Г.И. Каневской.
- Christa* 1988 – *Christa B.* Russians // *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, its People and their Origins.* Sydney, 1988. P. 752–757.
- Christa* 1992 – *Christa B.* Great Bear and Southern Cross: The Russian Presence in Australia // *Russia and Fifth Continent: Aspects of Russian-Australian Relations.* University of Queensland Press, 1992. P. 81–109.
- Frolova* 1998 – *Frolova M.D.* Russians in Australia // *Monograph series under the general editorship ...* 1998. № 24.
- Kamensky* 1993 – *Kamensky Yu.A.* Russian Welfare Society in Victoria // *Ibid.* 1993. № 16.
- Koreneff* 1988 – *Koreneff O.S.* Russian Relief Association in Sydney // *Ibid.* 1988. № 11.
- Moustafine* 2002 – *Moustafine Mara.* Secrets and Spies. The Harbin Files. Sydney: Vintage, 2002.
- Price* 1992 – *Price Ch.* Russians in Australia: A Demographic Survey // *Russia and Fifth Continent...* 1992. P. 54–80.
- Protopopov* 1999 – *Protopopov M.* Archbishop Sava Raevsky. 1892–1976 // *Monograph series under the general editorship ...* 1999. № 25.
- Tatarinoff, Konovets, Kasperski-Andrews* 1999 – *Tatarinoff K.P., Konovets A., Kasperski-Andrews I.* (ed.) Russians in Strathfield – A Community Profile 1949–1999. Sydney, 1999.
- Vinocuroff, Kamensky* 1996 – *Vinocuroff V., Kamensky Yu.* Russian engineers in Australia // *Monograph series under the general editorship ...* 1996. № 21.

G.I. Kanevskaya. Russians from China in Australia: Particularities of Adaptation (1950–1980)

The article discusses the problems of adaptation of Russian immigrants moving from China to Australia in the post-war period. In the second half of the 1950s the wave of migration, which peaked in 1957 and 1962, brought to Australia fifteen thousand Russians that belonged (or, alternatively, whose parents did) to a generation that had left Russia in the wake of the 1917 turmoil and had moved to China. The author analyzes the circumstances and conditions of their entering and living in Australia, paying special attention to the adaptation problem. She argues that although most immigrants of that wave, being well educated and exposed to cosmopolitan influences, adapted to new conditions more easily than earlier immigrants, still they had to face language, employment, and other problems. The particularity of their case is the focus of the article.